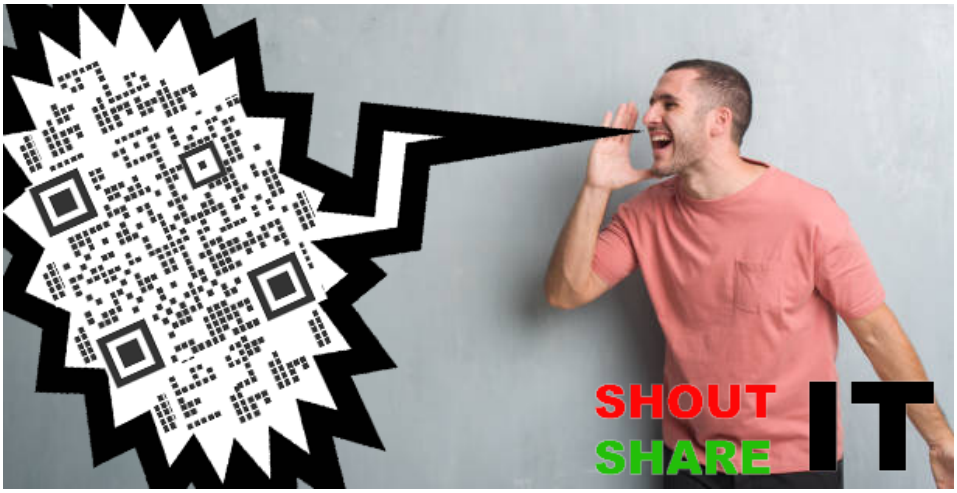
Побег из Вавилона

Александр Владимирович Тюрин


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вавилон - город, прогрызший кальдеру вулкана на Марсе и принадлежащий девяти корпорациям. Порожден абсолютным рационализмом, принципом максимизации прибыли и полным отсутствием совести. На помощь взбунтовавшемуся герою приходит помощь с неожиданной стороны - от списанных машин.

- Александр Тюрин
  - 1. Мусорная преисподняя
  - 2. Адский инкубатор
  - 3. Неудавшийся побег
  - 4. Свидание с мафией
  - 5. В краю бешеных роботов
  - 6. Восстание машин

Александр Тюрин
Побег из Вавилона

1. Мусорная преисподняя

Я жду, когда в двенадцатый час сола лучи далекого солнца, обрамленного райской голубизной, войдут в тоннель и окрасят сочно зеленым цветом ростки салата, в которых тут же запрыгают бодрые экситоны фотосинтеза. Раз, два, три – оно! Вход в тоннель прикрыт графеновой пленкой, легко пропускающей лучи, и мне кажется, что чувствую прикосновение ветерка на своем лице. Как раз собираются члены нашей артели, подгребают ребята из соседних общин. Разливаем в пустые консервные банки поздравительную жидкость, добытую брожением из мебели с разбившегося корабля чужаков. Пьем и закусываем – свежей зеленью с марсианского огорода. После особо удачного тоста, меня чмокает в щеку какая-то девица в сарафане а ля первая ступень допотопной ракеты – и громогласно объявляет, что шрамы мне к лицу. В глубине тоннеля шумит своим отбойным молотком неугомонный робот-тяга. В сумрачных нишах тихо набухают грибы, плещутся в чанах невозмутимые толстые рыбины, а поближе к солнышку булькают на поддонах цианобактериальные маты, несмотря на грозное название производящие любимый всеми нами кислород. Счастье, почти рай…

И вдруг содрогание всего, затем резкий обрыв сна.

Вой сирены рвет мне мозг, потому что выходит из динамиков, встроенных в мою верхнюю челюсть, а в конце еще поросячий взвизг: «Доброе утро, свободный город Вавилон!». Я дрыгаюсь и открываю глаза, в которых словно застрял песок от не растворённой кратким сном усталости. Какой облом – я живу в совсем другом мире, точнее, в аду. Первое, что чувствую наяву – боль, сразу в нескольких местах, особенно в суставах; изъеденная кожа на боках отзывается огнем и зудом – это твурмы поработали, крохотные биомехи-кровососы с отливающим пожаром спинкой, которые отлично умеют производить самих себя. В правом верхнем углу зрения зажигается виртуок – виртуальное окно дополненной реальности – показывая игривый логотип компании «Марсанто» (Марс в виде яблочка и грызущий его червячок), а также время: 5.30 сола. Через двести сорок секунд начало работы. Спешно провожу грязеедкой, похожей на ежа, по телу – она засорена и толку от нее почти никакого. Чуть искрящую от нанобойцов эмульсию экономно наношу на израненные твурмами бока – зуд тает в приятном холодке; больше ничего приятного сегодня не будет. В разъем на бедренной вене вкладываю баллончик с оксигелем, будет

снабжать кислородом респироцитов – искусственные клетки моей крови.

Выхожу через тамбур в громадную полость, проделанную ядерным взрывом в магматических породах горы Элизий. Рядом со мной выстраиваются «коллеги», выползшие из своих склепов в скале: тощий как стручок Ван Вельдер и ещё сотня таких же. Таких же, как я, рабов Дядюшки Пака и компании «Марсанто». Воздух по-утреннему свеж и тощ – сильно ниже нуля, кислородом тоже не балуют, половина от нормы.

Из темной студеной полости минус-двенадцатого уровня мусородробилку видно везде, а если не видно, то слышно. И если не слышно, она дает почувствовать себя даже сквозь сон. Как содрогание, пробирающее до самого нутра. Многие тут относятся к ней как к солнцу Нижнего Вавилона. Адепты Великой Дробилки, вроде того лошары с посиневшей физиономией, что слева от Ван Вельдера, вещают, что без нее распадётся цепь времен и наступит конец нашего света.

Из тьмы во тьму уходят сортировочные конвейеры. Красные огоньки вдали указывают, что рабы, зыркая мультиспектральными глазокамерами, выбирают то, что отправится в пиролизные печи, ртутные ванны или под брикетировочный пресс.

Рукосуи – самые тупые на нашем уровне, такие не прикарманят, поэтому им доверено выискивать кубитные процессоры, терабайтные накопители, микроэлектромеханические устройства, материалы-трансформанты с памятью формы, золото, редкоземельные металлы. Они даром что слепые, тонкими пальчиками, усеянными пупырышками рецепторов, ощупывают всё на манер енота, а квантовым крючковатым носом обнюхивают, улавливая колебания молекул ценных веществ. Их вообще ничего от работы не отвлекает. Даже гадят под себя – это потом вылизывают слизни-биомехи. Питание поступает им прямо в кровь, так что кишки присохли к спинному хребту – в сравнении с ними и Ван Вельдер будет милым толстячком. Каждые четыре часа включается помпа, от которой тянется шланг к каждому из них, точнее, к канюле в районе поясницы, соединенной с нижней полой веной.

Органика, сбрасываемая десятимиллионным Вавилоном, проходит через центрифуги сепараторов, и, далее, с чмоканьем, растекается на несколько «ручейков». В одном из них несколько многоруких парней тычут зондами, выискивая то, что осталось от горожан, которые сильно задолжали владельцам города за кислород и воду; коллекторы обычно изымают только печень,

сердце, почки, прочее спускают в канализацию. В другом – мы с Ван Вельдером вылавливаем сачками органические чипы, синтетические органы и прочие «вкусности», оставшиеся от биомехов. Третий, пуская клубы пара, следует прямо в биореактор – высоченные колонны производства биогаза, откуда трудами нескольких видов бактерий выходит метан. Четвертый ручеек стекает в тихие подземные оранжереи, слегка подсвеченные замогильной флуоресценцией – это лакомство для грибов.

Такова картинка преисподней, её лет пятьсот назад Босх нарисовал, хотя в здешних краях и не бывал – Ван Вельдер так сказал. Минус-двенадцатый уровень находится в «перевернутом городе», углубленном в гору Элизий. Город Вавилон – совместное владение девяти корпораций – передал всю сферу обработки мусора компании «Марсанто», потому что та занимается созданием новых горожан. Но на нашем уровне менеджеры «Марсанто» не появляются никогда. А набором «персонала для ручных операций» занимается фирма Дядюшки Пака, которая препровождает всех конкурентов, даже таких устрашающих, как бойцы Старого Слэйвера, с руками-крюками и горящими как молнии фотоническими тату на лбу, в установку для производства биогаза.

Меня продали Дядюшке Паку отморозки, подчиняющиеся некоему Чип-Хану, которых исследователи пышно именуют новыми кочевниками. На них можно нарваться на равнинах Утопии и Аркадии, а в горах Флегры их как грязи, там они отсиживаются, харчуются и делят хабар. Люди Дядюшки Пака почистили от информации мой персональный чип, да еще поставили на мой нейроразъем заглушку – терминатор, благодаря которому я не могу вспомнить самые важные вещи: кем был раньше, например. Нейрософт, в том числе, игры – из-за него тоже мимо. Зато он прекрасно пропускает команды рабовладельца. Мой нынешний словарь почерпнут из марс-бейсика, хотя сомневаюсь, что этот язык мне родной; помню арифметику, набор бытовых навыков на уровне детского сада – как вытирать нос, попу; еще знаю то, что сообщил Ван Вельдер, про енотов и всё такое. С остальным информационным багажом хуже, лишь какие-то обрывки…

Тому, кто попал на минус-двенадцатый уровень Вавилона, уже никогда не выйти из него в живом и целом виде. Торговый обмен приходится вести с харонами, которые доставляют сюда новый персонал взамен умершего и новое оборудование вместо износившегося.

Дядюшка Пак никому не платит из тех, кто на него работает.

Если можно довести до нуля издержки на рабочую силу и до максимума прибыль, то почему нет – сбылась мечта предпринимателя. Канистра маслянистой жидкости на неделю – типа еда, созданная механохимическим способом, пересоставлением молекул всякой дрисни – и всё. Прочее мы должны сами раздобыть, вернее, украсть – ибо весь мусор является собственностью «Марсанто» – и не попасться. На те «заначки», которые мы потихоньку делаем для себя, можно выменять у харонов всякую полезную всячину: баллончики с оксигелем и ампулы с миоглобином, чтобы кислорода хватило, телогрейки на водородных топливных элементах, чтоб не замерзнуть, средство от крючкоглистов и ловушки для твурмов, грязеедки, наркодермы и так далее.

В пять часов, задолго до того как должен был окончиться рабочий день и спуститься на лифте хароны, Ван Вельдер обнаружил мертвого рукосуя. Неподалеку от колодца для жидких стоков.

Голова у додика проломлена в районе лба – сразу видно, что не несчастный случай. Ударили чем-то вроде чекана или кастета, а внутренностей совсем не осталось – вытащены. Это могли сделать только франкенштейны с минус-четырнадцатого уровня; они всегда забирают потроха, у них в хозяйстве всё пригодится. Похоже, что рукосуй чего-то испугался, может носом своим квантовым учуял опасность, и, отцепившись от шланга, пытался сбежать, но попал на нижний уровень. Там франки прикончили его без долгих разговоров, выпотрошили и выбросили обратно, дескать, мы ни причем.

Еще далеко до конца работы, а я совсем изможден – мертвый рукосуй меня психически добил. Дробилка кажется мне этаким минотавром, мощное человекоподобное тело – мускулов столько, что даже скрипят друг о друга, еще копыта, бычья голова, длинные толстые рога, на которые нанизаны жернова. Она уже как будто не крутится на одном месте, а идет ко мне по толстому слою отживших душ, выжимая из них последний стон своими копытами. Вот-вот наступит на меня и раздавит. Мне становится хуже, я натужно кашляю…

Виртуок показывает дефицит кислорода в коре головного мозга, как следствие перерасхода. Отсюда, наверное, и глюченье. Нехватка кислорода возникла намного раньше, чем я должен был поставить новый баллончик с оксигелем. А у меня ведь такая хорошая заначка, её можно будет и на три баллона сменять… Если начнешь сейчас увядать, то надзиратель-роботех, похожий на беса, быстро взбодрит тебя ударом хвоста, точнее, нейронного хлыста.

Но словно легкая рука погладила меня по голове, и послышался звон колокольчиков, сложившийся в слова: «Тебе скоро будет лучше. Поставь новый баллон и просто дыши, как ни в чем не бывало».

Я вставляю в разъем на бедренной вене последнюю емкость с оксигелем. Хватит ли до конца дня, когда удастся выменять у харонов новый баллон? Если не хватит, никто со мной не поделится, ведь это запас жизни. На неделе у нас стабильно отдает концы двое-трое бедолаг, прямо во время работы.

Но пока кислород бодрит каждую мою клеточку. И это подземелье начинает дышать и колебаться вслед за мной, тончать, становится легким рисунком на оболочке пузыря. При вдохе словно сжимается в точку, при выдохе появляется вновь, словно возникая из ничего.

И при возникновении из ничего, я вижу… назовем его Единым и Многоликим. Это что, отравление кислородом? Но вообще-то зреть духов – совсем не диковина для обитателей нашего уровня, наркодермы и прочая дурь играют свою роль.

Единый-Многоликий напоминает отблески солнечных лучей на снежинках. Девять сияющих окружностей, в которых словно видны бронзовые лица, от них расходятся соединенные хрустальными паутинками пульсирующие воронки – по ним как бы стекает всё, что есть на минус-двенадцатом уровне. И жернова дробилки уже не кажутся такими смертельно мощными – они стали, как радужные разводы от бензина на воде…

А потом произошла аварийная остановка мусородробилки. Её барабан еще вращался по инерции, когда на вершинах колонн биореактора появились зеленые огоньки. Это техносветлячки, которые чувствуют метан и начинают светиться при повышении его содержания в воздухе. Значит, отключились клапаны сброса избыточного давления. Или были отключены.

Будущее стало ощутимым, тяжелым. Я понял – еще несколько секунд, и горящее будущее станет настоящим, на минус-двенадцатом уровне рванет. Огненная волна пройдет по всей полости. Спастись можно только в боковых колодцах для жидких стоков, откуда есть выход на главную клоаку.

По счастью, Ван Вельдер, как и всегда, соображал резво:

– Я хватаю трос и драпать, – он шлепнул мне на шею, точнее на нейроразъем, что-то похожее на жвачку. – Это металлорганика, которая разъест твой терминатор; пока он фурычит – далеко не убежать.

Ван Вельдер зацепил сачком надзирателя, которому явно не понравилась наша идея тикать, и мы, с двух пинков, сбросили его в приемный бункер биореактора.

Не было времени порадоваться, как тот утопает в хлюпающей жиже. Пробежали метров сто под монотонное предупреждение следящей системы: «Наказание за побег – расчленение без анестезии». Заодно нарастал пронзающий мозги звук, но вдруг он заткнулся; видимо, терминатор накрылся, а я почувствовал на шее острое жжение.

Но тут уже не до шеи. Огненная паутина появилась на одной из колонн, легко раскалывая ее твердые оболочки. И другая колонна разом превратилась в цветок – ее корпус разошелся лепестками в стороны, выпустив наружу огненные щупальца. Со свода просыпался водопад облицовочных плит, какой-то мощный энергокабель завертелся змеей, пролив море искр. А там и третья колонна обзавелась огненной шевелюрой, резко просела, как подтаявшая ледяная глыба, и полыхающий шар разошелся в стороны яркой концентрической волной.

Она выдернула из станины барабан мусородробилки и швырнула с космической скоростью в нашу сторону. По дороге он расплющил пять или шесть человек. Все они возносили молитвы марсантовской Великой Дробилке, «освобождающей от старого облика, чтобы дать новый», вместо того, чтоб делать ноги. За секунду до того, как барабан должен был раскатать нас с Ван Вельдером в молекулярный блин, приподнявшаяся – из-за резкого падения давления над собой – ферма пола подбросила его. Многотонная махина пролетела над нами, изображая что-то воздушное, а мы юркнули под ферму.

Я заметил загаженный шпигат сточного колодца, который вышибло давлением нижнего уровня – огонь уже пожрал почти весь кислород в нашей полости. Больше никуда не успеть, попробуем слинять здесь. Набросив петлю от троса на колонку ближайшего скруббера, Ван Вельдер скользнул в колодец, я за ним. Давление чуть не выбросило нас обратно в опустошенную взрывами полость, но я все же пропихнул легковесного Ван Вельдера вниз, а далее уже тормозили на тросе. Мы попали не в клоаку, а на нижний уровень. Здесь кислорода было явно больше, чем на минус-двенадцатом, но ничего хорошего об этом уровне мы не знали.

Да, минус-тринадцатого у нас нет. Но роль следующего круга ада спокойно играет минус –четырнадцатый. Здесь обитают те, кто покажется кошмаром для всех предшествующих поколений человечества вплоть до Адама и Евы.

Это как-бы-люди, которых сшили-скрепили на этом же уровне, сочетая клонированные органы, трансплантаты от ранее живших граждан, генномодифицированные органы и биосовместимые устройства. Франкенштейны – своего рода

сапрофаги, которые работают с трупным материалом, обновляя самих себя с его помощью и мастеря новых франкенштейнов. Это является самым быстрым способом пополнения населения Вавилона и вообще Марса. Это куда дешевле, чем прислать сюда нового обитателя из гравитационной ямы Земли, куда быстрее, чем естественным путем родить тут ребенка или даже произвести 100%-ного клона. Нормальная колонизация Марса идёт, говорит Ван Вельдер, у русских и китайцев, да и то не все транспорты с поселенцами долетают до места назначения – то пираты нападают, то подличают террористы из какой-нибудь «Джебхат Фатах». Западному Альянсу это только на пользу. Его марсианские сектора заполняются более быстрым, надежным и рентабельным образом. В Вавилоне из десяти миллионов населения – франкенштейнов большинство, но есть города Альянса и покрупнее, вроде Венусборга у подножия горы Олимп, там то же самое.

Среди франков самые многочисленные и дешевые в производстве – спиннеры. У них вместо туловища и головы – футляр, внутри которого трансплантаты; всё по минимуму, пищеварение внешнее, кишечника почти не требуется. Пока хелицеры спиннера душат жертву, его острый хоботок проделывает дырки, затем впрыскивает пищеварительные ферменты, и, в итоге, она выхлебывается. Удобно…

На мгновение всё замедлилось, даже размышление – из-за незамутненного страха – на меня смотрели человеческие глазки спиннера, злобные, числом три. Хелицеры, генетически позаимствованные у паучка, только откалиброванные под человеческий рост, предупредительно щелкали. За этим чудищем еще несколько таких же, с полицейскими жетонами, приваренными к футлярам, приветливо улыбаются.

2. Адский инкубатор

Раздался приятный голос спиннера:

– Я – офицер Шпиннекоп, полиция безопасности минус-четырнадцатого уровня. Рад оказать вам содействие, оказать любую помощь, следуйте с нами, у нас никто не будет отвергнут из-за цвета кожи или сексуальной ориентации.

И продолжает лялякать про абсолютную толерантность как заведенный.

– Нам не нужно никуда идти, о соседи с нижнего этажа, – отнекиваюсь я запинающимся голосом. – Позвольте нам с миром покинуть ваш мир, и отправиться дальше на лифте. Примите подношение в знак почтения…

Я протянул спиннеру свою заначку – кибероорганический глаз, способный к самоприживлению.

Тот взял, ему понравилось. Если приживленный орган не очень годится, франки умеют быстро «растворить» его при помощи ферментов, использующих туннельный эффект.

Однако около первого же схода с эстакады офицер щелкнул хелицерами – нам всё равно вниз по трапу. А внизу было что-то похожее на мясобойню.

– Ни в коем случае не следует идти с ними, – шепнул Ван Вельдер, – заманят эти «толерантные» в разделочный цех, и сделают из нас несколько новых франков. Не хочу быть снова бесплатным ресурсом у «Марсанто». На счёт – раз, два, три, даём деру, вперед по эстакаде.

На счет два меня опутала едва заметная, но прочнющая нить – нанотрубки не порвешь, как не тужься, и от первого же прыжка я бессильно шлепнулся на металлический настил. Оставалось наблюдать, как Ван Вельдер невесть откуда взявшейся у него бритвой из палладиевого стекла режет опутавшие его нити, выскакивает из сети, что твой кузнечик, и несется во весь опор по эстакаде – к ячеистой стене инкубатора, где из омнипотентной массы недифференцированных клеток вызревают новые органы для сборки.

Кругом трубы системы жизнеобеспечения, поэтому спиннеры побаиваются применять огнестрельное оружие. Но вовсю лупят по Ван Вельдеру из тазеров. И всё ж им никак не попасть в пострелёнка. Ну, удачи, кореш.

А меня часа на два меня засовывают в железную бочку – там истратил почти весь оксигель, затем куда-то транспортируют и вываливают на скользкий пол. Здесь корыта и чаны, в них органы, упакованные в пленку для защиты от патогенов и гниения –

большая часть этого биоматериала прошло через наш уровень. Благодаря консервирующим веществам, что не дают распадаться белкам, это напоминает яркий мясной прилавок из рекламного ролика. От прилавка к операционным столам снуют бойкие многорукие робохирурги с лазерными скальпелями, степлерами, троакарами, шприцами и прочими разнокалиберными инструментами.

Сетки на мне уже нет, чтобы не мешать работе «хирургов», но руки стянуты пластиковыми фиксаторами. Манипуляторы тащат меня на стол, рядом с которым стоит какой-то типчик со следами швов на шее и сварки на черепе. Он показывает мне акт «абсолютно добровольной сдачи органов в случае преждевременной смерти», подписанный мной в бессознательном состоянии, едва я попал во владения «Марсанто», и заодно держит маску, через которую мне будет подан наркоз. Пару раз вздохнуть и я уже проснусь разделанным на три кучки для трех новых граждан Вавилона. На соседнем столе гениталии негритянки пришивают к изъеденному твурмами трупу тайца – это будет «шаловливая куколка» для низкопробного борделя, новая эластичная кожа для нее как раз допечатывается 3D-принтером.

Я борюсь, напрягаю мышцы – всё без толку. В глаза проникает едкий свет, разъедающий мозг, хлюпают поршни, которые сейчас начнут вытягивать из меня кровь, закачивая вместо нее гликопротеины – в моей кубитальной вене на локтевом сгибе засела канюля чёртовой занозой. Значит, еще и заморозят для длительного хранения в холодильнике. Блин, да у меня катетер в мочевом пузыре – мое тело уже не пойдет в сортир! Катетеризована и вена на бедре – в кровоток вливается какая-то оранжевая дрянь, наверняка она несет вирусные векторы с генами зомби, чтобы после биостазиса куски моей плоти снова ожили и не дали себя отторгнуть чужим иммунным клеткам – про это дело мне Ван Вельдер сказывал. Вот маска ингаляционного наркоза ложится мне на лицо, я корчусь, пытаясь не вздохнуть. И вдруг хлопок – маска отлетает, я сбрасываю себя со стола, выдергивая трубки катетеров, хватаю чью-то волосатую холодную ногу. А это, оказывается, трансплантат с соседнего стола.

Хелицеры спиннера-охранника прянули ко мне, отмахиваюсь от него чужой ногой, но, по счастью, в его третий глаз вошел гвоздь. Это невесть откуда взявшийся Ван Вельдер выстрелил из пневматического нейлера – отдача чуть не унесла его тщедушное тело вдаль. Но он уцепился браншами здоровенных кусачек за того типчика со сварным черепом, а затем еще перекусил ими пластиковые фиксаторы на моих руках. Вовремя. Типчик со

сварным черепом поднялся со стула и оказался на голову выше любого из нас.

Отшвырнув Ван Вельдера как стручок, он протянул ко мне левую руку, а она у него длинная и заканчивается огромной клешней – привет от краба. Но я машинально взял ее на прием – как будто в прошлом изучал единоборства – и тот своей клешней отхватил себе ухо. Помимо порванных сосудов на срезе виднелись порванные провода и играющий огоньком светодиода нейроинтерфейс, через который загружалось психопрограммное обеспечение в его куцые мозги. Пострадавший франк, по счастью, отстал от нас и кинулся подбирать свое отвалившееся «имущество», чтобы приживить обратно.

Мы стали удирать, вернее Ван Вельдер тащил меня за собой, на выход из операционной, а я держал кусачки – тяжеленькие, с электроприводом. Навстречу нам ехали роботележки, подвозя «детали для сборки»: подносы с органами, кувезы с клонированными тканями, емкости с физиологическими жидкостями и сосуды с чем-то похожим на зеленое суфле – да это ж синтетические мультиграфеновые мозги; натуральные мозги франкам не годятся, поскольку после пересадки не «включаются». Напарник сказал, что на одной из таких тележек он сюда и приехал – его за трансплантат приняли, потому что тощий. После операционной мы драпали через просторную реанимацию, где лежали рядками только что сшитые франки, которых переводили в режим самостоятельного поддержания жизнедеятельности, попутно вдувая им в мозг психопрограммы.

Операционная и реанимация располагалась на платформе, а таких платформ виднелось с десяток, мостовой кран переносил биоматериалы и прочие грузы с одной на другую. «Прыгай на крюк», – крикнул Ван Вельдер, и сиганул первым.

Но пока я раскачивался, на меня выскочила пара бдительных франков, а в руках у них кривые клинки вроде малайских крисов. Нет, это их руки, благодаря синтетическим генам, заканчиваются клинками – на лезвиях, заточенных до одноатомного предела, играет интерференционными узорами свет. По их мнению, я должен был немедленно обделаться от страха. И так оно едва не вышло. Если не от страха, так от огорчения – Ван улетает на крюке, а меня взяли в переплет.

Я толкнул на них тележку – не помогло, они легко перепрыгнули через неё. Ну, спасай меня цепь от крепежки, которую я подхватил на платформе. Я не швырнул конец цепи, а хлестнул ею с поворотом. Один ее конец, обмотавшись вокруг ходящей жилами шеи франка, прилетел обратно ко мне – в левую руку. Второй франк тут же рванулся ко мне, чтобы покарать. Это

было его ошибкой. Я хлестнул вторым концом цепи, который обмотавшись у него вокруг шеи, тоже вернулся – в мою правую руку. Оба франка прянули ко мне, блеснули их клинки, а я рванул в просвет между ним, заодно дергая концы цепи, находящиеся у меня в руках. По этим концам и пришлись удары моноатомных лезвий, разрезав их легко как масло. Но я уже оказался позади франков. Они развернулись ко мне, и цепь еще раз намоталась им на шею, столкнув их головами, отчего один из них драматично отрубил руку-клинок другому. Мне самое время подхватить трофей и ретироваться – благо, что крюк поехал в обратную сторону.

Мы с Ван Вельдером повисли на бухте кабеля, переносимой краном. Какой-то спиннер успел ухватиться за мою ногу, но улетел вместе с моим многострадальным ботинком, который до меня носило человек двадцать. Кран стал поднимать бухту, и мы с Ваном тоже активничаем, карабкаемся вверх по тросу – к балке кранового моста. На ней я увидел хвост дупер-крыса – эти твари приходят сюда с верхних уровней. Хорошая примета.

Ван, колбаса тощая, подпрыгнув на моем плече, оказался на мосту, и моментом добежал до концевой балки. А когда я выбрался на мост – ко мне уже с обеих сторон торопились спиннеры-полицейские. Тазерами они не могли здесь пользоваться, чтобы не шарахнуть друг по другу, но многообещающе щелкали хелицерами. Первый из них дернулся ко мне – не очень удачно; я воткнул в атакующего трофейный клинок. Каково было мое удивление, когда тот стал глубже нанизываться на клинок, чтобы дотянуться до моего горла, а следующий спиннер ещё подталкивал переднего в спину. Хотя вообще-то, франкам легко самурайствовать, имея регенерацию поврежденных тканей а ля гидра. Я, конечно, отпустил оружие и сделал шаг назад – противник по инерции улегся носом вниз, а следующий вообще смайнал с моста.

Я, перескочив через упавшего спиннера, пробежался до концевой балки, огляделся – Ван Вельдер машет мне рукой. Он – метрах в двадцати, стоит на площадке лифта. Я тороплюсь к нему по балке, спрыгиваю на аварийный трапик и вот уже на лифтовой площадке, а к нам подъезжает полуоткрытая кабина грузового подъемника, уставленная громадными сосудами Дьюара.

Счастье, мы – внутри. Нас еще пытается вытолкнуть франк в белом комбинезоне техника. Но мы дружными усилиями выпихиваем его, отрывая его руки от ограждения кабины. Пришлось даже отхватить ему кусачками палец, чтобы наконец попрощаться.

Еще немного и мы покинем дьявольский минус-

четырнадцатый – адьё, чтоб вам тут всем подавиться своими органами. Но напоследок в кабине оказался спиннер, который заякорил раму подъемника и подобрался к нам снизу. Этого отоварили хорошей порцией жидкого азота из сосуда, который мы с Ван Велдером по-быстрому откупорили – послышался хруст футляра и треск замерзающей плоти. С этими звуками скиннер отправился в свободный полёт.

В перевернутом нами сосуде, все еще затянутом голубой дымкой, имелось скрюченное тело свежеиспеченного франка с едва заросшими швами, точнее нового гражданина «свободного города Вавилон». Его сшивали из людей разных рас и, более того, полов. Через прозрачную синтекожу на животе был виден плавательный пузырь, а за ушами натуральные жабры – для жидкостного дыхания. Похоже, в нём сработали НОХ-гены от прежних этапов эволюции, пробужденные с помощью транскрипционных наноактиваторов. Это, что, он в жидкой среде будет жить?

– А мы куда едем? – поспешно спросил я у Ван Вельдера, пытаясь не думать о том, что франки скоро заселят весь Марс.

– По этой лифтовой шахте уходит экспортная продукция минус-четырнадцатого уровня, готовые франки. Франки – собственность компании «Марсанто», пока их не выкупят корпорации, владеющие верхним городом. На минус-седьмом уровне идет приемка. Так что мы поднимемся на пять уровней и переберемся в вентиляционный канал, чтобы по нему двинуть к ангару, где паркуются внедорожники, способные беспроблемно кататься по марсианской поверхности.

Хотел было спросить у Ван Вельдера, откуда он знает планировку минус-четырнадцатого уровня и какие с него ходы-выходы, но осекся. Ответ ведь прост – он уже здесь побывал. И соображает он слишком быстро, как тот, у кого управляемая мутация миелиновой оболочки нервных волокон.

– Я не франк, – поспешил сказать Ван Вельдер, перехватив мой испуганный взгляд. – Я – суринамец, это народ такой, смешанный голландскими плантаторами из вымирающих индейцев и трудолюбивых негров, только давно, без всяких трансплантаций. Да, я уже бывал на минус-четырнадцатом уровне – как харон. Потом меня немного разжаловали. За то, что я хотел загнать ребятам с минус-двенадцатого уровня немного взрывчатки.

Едва отлегло от сердца – Ван Вельдер всё ж свой в доску – как замер лифт. Ключа к управлению лифтовой площадкой у нас нет? Есть – палец, любезно оставленный техником; сканер с панели управления лифтом его опознал. Снова едем вверх, проезжаем

шлюз – значит, уровень кислорода изменился в лучшую сторону. Всё хорошо, за исключением того, что франк в опустошенном сосуде Дьюара перешел в режим расконсервации, из его рта выходят пузыри, еще немного и оживет новый гражданин, он же гражданка. Взять его за жабры, да и выкинуть из лифта, что ли? Но это как-то бесчеловечно – он же, по сути, новорожденный.

Через три с половиной уровня нас полностью застопорили франки с минус-четырнадцатого через центральный пульт. Придется выходить здесь – между минус-десятым и минус-девятым уровнями.

Подниматься в лифтовой шахте, не имея самого лифта – дело муторное; хоть и побольше здесь кислорода, однако совсем не норма, и кормежки у меня не было уже шесть часов кряду, и босая нога, окоченев, не слушается. В голове царь-колокол звенел, когда добрались в шахте до чего-то напоминающего выход. Вскоре стало ясно, что попали в тот самый вентиляционный канал – впереди лопасти большого вентилятора. Ван Вельдер его с хода преодолел, он же тощий как глист и прыгучий как кузнечик, а я долго представлял куски своего разрубленного тела на лопастях. Однако помедитировал на всё хорошее и прыгнул – крепко ударило лопастью по пятке, но ничего не отвалилось. А потом еще десять метров вверх по почти гладкой трубе.

У нас тут на Марсе втрое пониженная сила тяжести, по сравнению с Землей, но к концу путешествия из меня испарилась последняя жидкость, сердце безнадежно колотилось, легкие пытались всосать нормальную порцию кислорода, я карабкался на запасах миоглобина, инъецированного в мышцы.

Под конец слышали какой-то гул – нарастает и убывает, раз за разом – явно трасса неподалеку, это ободряло. Ну вот, пора перекусывать петли и снимать решетку, из которой била пахнущая резиной пыль. Выползли из-под кожуха, прикрывающего вентиляционное отверстие, и в миллиметре от моего лица пронеслись траки вездехода. Мы спешно перекатились через путь. Получается, что оказались в районе выезда из ангара. Гул шёл от проезжающих транспортных средств, приличных таких внедорожников с мощными анаэробными движками, предназначенных для покатушек по естественным ландшафтам Марса. И, похоже, они дули по южному тоннелю, проходящему через стену кальдеры, прямиком на выезд из Вавилона.

3. Неудавшийся побег

Отсюда выезжают, чтобы махнуть в сторону долин Маринер.

– Я прикинусь сбитым, жертвой наезда, какая-нибудь машина остановится, и тогда мы ее захватим, – глаза Ван Вельдера уже светились от счастья.

– Братан, я был слишком хорошего мнения о твоих умственных способностях, а ты слишком хорошего мнения об обитателях Вавилона. Они переедут тебя, раскатав в блин, и отправятся дальше, ковыряя в зубах.

– Я брошусь на дорогу, после того как машина проедет, – поправился он. – У водителя тут недостаточный обзор справа, может, поверит.

– Уже лучше, Ван не такой лошок, как кажется на первый взгляд. В этом есть рациональное зерно. Мы бросаем на бампер подъезжающей машины телогрейку, имитируем столкновение, и ты сразу переходишь в позицию «лежащее тело», но позади. Может, какой-нибудь сердобольный, которого сшили из кусков добрых самаритян, и остановится, откроет дверь. А я выскакиваю и беру авто на абордаж.

Первые две машины переехали телогрейку без долгих размышлений, раскатав её в пускающую пар наволочку – увы, металлорганический каркас не выдержал, водород и кислород пошли наружу из топливных элементов.

Остановилась третья машина, приличная такая тачка, похожая на серебряную волну. Кто-то внутри помялся и, наконец, открылась дверца. Через секунду я ввалился в кабину, за мной влетел и Ван Вельдер, который за секунду до того смирно лежал на бетоне.

Я зажимал рот водителю, одновременно щелкая кусачками, как динозавр челюстями, и пытаясь закрыть босой ногой дверцу, которая очевидно ждала голосовой команды. Несмотря на то, что я отключил водителю звук, по глазам – таким зеленым, большим и пугливым – сразу понял, что это женщина.

– Так, дамочка, не нервничайте, и не пробуйте нажать красную кнопку в виртуоке. Ещё ни в коем случае не бей меня по руке. Иначе эта штука что-нибудь у кого-нибудь откусит – а у нас, надо полагать, лишних деталей нет. Обещаю, что мы даже не вырежем вашу нежную печенку – хотя на черном рынке она стоит приличные бабки, а все уровни ниже минус-десятого являются черным рынком. Сейчас мы все едем прежним курсом по южному тоннелю, только я беру управление на себя, а вы соответственно даете мне доступ к нему. В пункте Саут-Пойнт, в паре километров

отсюда, мы вас высаживаем. И через пару недель забудете, как о кошмарном сне, о своей не вовремя проявленной доброте. Попросту махнете рукой и скажете: плевать на барахло.

Зрачки дамочки расширились еще больше и это меня озадачило.

– Ван-Вано, я сказал что-то не то? Это ж должно было ее успокоить. Я что, должен пропеть ей баюшки-баю?

– Кусачки положи, пока они чего-нибудь действительно не откусили. Она тебя, наверное, не понимает, – подсказал Ван Вельдер.

– Ладно, положил. Но я говорил на стандартном марс-бейсике. Или я, что, совсем кепала-келапа?

– Это бейсик притонов и нижних уровней, с сильной примесью китайского и малайского, да еще гнусавый, с «жеванием соплей», то есть пиджин. Даже слово кепала-келапа, которое ты только что употребил – кокосовая голова, дурак по-малайски. Женщина же, наверняка, говорит на нормальном бейсике, так что попробуй машинный перевод. У нас трансивер близкосвязи не работает на передачу. Так что соединись с ней стандартным кабелем Интелпорт, такой наверняка лежит у нее в бардачке.

– А если ее драйверы не потянут?

– У нее зрачки в норму пришли. Кажется, она хочет что-то сказать. Открой ей рот.

Я опустил руку, она яростно прокашлялась, словно изгоняя тех микробов, которые оказались у нее на губах, и сказала не на бейсике или пиджине, а по-русски, хотя и с сильным акцентом. Блин, да я русский понимаю!

– Слушай меня внимательно, чмо, ты не высадишь меня из моей машины и ничего не будешь мне засовывать. И убери ногу с двери, босяк, иначе она не закроется.

– Это что, русский язык? Сурово звучит. Значит, она тебя опознала по словам «а нам плевать на барахло», – подсказал Ван, – так говорят артельщики из русских приполярных секторов, которые отвергают личное обогащение за счет несчастья других, мне это вообще тоже нравится.

Я посмотрел в ее зеленые глаза – очень яркие. Там словно искорки мелькали, наверное, это буковки-цифирки – значит, линзопроекторы на месте.

– Послушайте, дамочка, не пробуйте сейчас с кем-то связаться, за исключением меня. Насчет тачки – «моя-твоя» нам сейчас без разницы, тем более, что вы тоже не заработали её непосильным трудом. Вот мы с этим пареньком вкалывали по 16 часов в день – и нам не заработать было даже на клаксон к

детскому велосипеду. А чтобы купить себе порцию оксигеля и дожить до конца смены, надо было украсть и не попасться. Короче, мне и этому пареньку ваша тачка нужнее.

– Разбежались. Никто у меня ничего просто так не заберет, – ее изысканно очерченные губы фыркнули.

– Для вас цена вопроса – получить небольшой нагоняй от папика и сходить в автосалон, можно и виртуально. Машина ваша наверняка застрахована, так что купите себе такую же или еще лучше. А для нас цена вопроса – отрезанные яйца, расколотые головы, размазанные по стене мозги. Мы не хотим возвращаться на минус-двенадцатый уровень. Надеюсь, вы меня понимаете. Ну, код доступа к управлению – я жду.

– Да хоть останься от вас только размазанное по стене дерьмо – вам не высадить меня из моей машины. Мы поедем дальше вместе.

Она приняла нормальное положение в водительском кресле, положила руки на троды системы управления и двинула внедорожник с места.

– Ого. И куда же дамочка дальше, да еще с такими чмошниками?

– А куда вы там? В Марусию, наверное.

И так она это сказала, что ко мне пришло ощущение малой родины. Русские секторы Марса, Марсороссия или, кратко, Марусия. Вот куда я должен вернуться.

Последующие несколько секунд я вспоминал почему-то, как заделывал свой первый тоннель – там, в Северном каньоне. От воспоминаний голова даже горячей стала… Вот растянуты последние слои пленки на выходе из тоннеля, надуваются – внутри земная атмосфера, воздушный подарок от артели. Уют еще больше чувствуется оттого, что с той стороны пленки остался Марс, который мы так поспешно собрались терраформировать, но лишь ненамного увеличили количество углекислого газа и водяного пара с помощью пенетраторов, растапливающих грунтовый лед. Я сыплю землю из мешка на слой драгоценного компоста, сладко пованивающий перегноем, рою лунки, дедовским образом, куда укладываю фабричный мицелий. Как тепла и благодатна почва, трогаешь ее восторженно, почти как женщину…

«Эй, кончай вспоминать, иначе в суп попадешь», – едва остановил себя.

– В Марусию с нами? В ту самую тоталитарную, коллективистскую Марусию, которую хвостят на каждом шагу в «свободном городе Вавилоне»? Дамочка, вы понимаете, что нам банально не хватит топлива и последние сто-двести километров

придется топать пешком. Не факт еще, что и кислорода хватит. Я, может, и понесу вас на руках, сначала – но стопудово не донесу.

– На мой машине атомный двигатель с жидкометаллическим теплоносителем и в багажнике три гермокомбеза с ранцами, полными сжиженного кислорода. Въезжаешь?

Ого. Это серьезно. Дамочка не из простых.

– Я бы на вашем месте не согласился бы на длительную поездку с двумя грязными типами – чего у них там в башке немытой? Не надо это делать из-за страха за жизнь – ей, похоже, ничего не угрожает.

– Меня всю жизнь длительно окружают грязные типы, голова мытая, а мысли грязные, – и дамочка решительно тронулась с места. Ван Вельдер, не врубавшийся в нашу беседу на русском, теперь всё понял и удовлетворенно улыбнулся.

Конечно, она чего-то не договаривала, зато ехали с ветерком. Но скоро приехали. Дорогу преграждал бронированный утюг полицейского вездехода. Дамочка дала резко влево и проехала чуть ли не по стене тоннеля. Кто-то из полицейского патруля стал стрелять из гранатомета кумулятивными боеприпасами. Попал со второго раза. Наша машина с отлетевшими траками поехала на боку, в кабине пошел дым, в последний момент я выбил верхний люк ногами и вытащил их обоих – Ван Вельдера и дамочку. Он был мертв, струя расплавленного металла прожгла его насквозь, угольное пятно на груди; она – вроде без сознания. Взялся было делать ей искусственное дыхание и один раз даже вдул рот в рот – если честно, это понравилось. Попутно засунул руку в кармашек ее комбеза – вытащил оттуда карточку типа визитки. Если выживу – жди в гости.

Тут рядом со мной оказался здоровенный полицейский робот и мгновенно навел на меня руку-пулемет. Однако и в моей руке сразу появился нейлер – я засадил ему гвоздь прямо в микрометровую камеру, отчего пулеметная очередь прошла неточно, рядом с моим ухом. Следующим движением я бросил в робокопа выбитый люк внедорожника. Сгоряча получилось нехило – очередь прошила ее, но эта штуковина заехала роботу по кумполу, немного свернув его набок. Я, воспользовавшись тем, что робокоп ослеп, проскочил между его конечностей и оказался сзади. Он быстро развернулся, но я еще быстрее повторил маневр и снова возник у него позади. Робокоп, ориентируясь по акустическим датчикам, сильно наклонился и начал стрелять назад. Это его и погубило. У него появилась «пятая точка» – в которую я и приложил со всех сил. Падая плашмя, он отстрелил себе панель доступа к узлу управления приводами. Осталось только перекусить кусачками исходящий оттуда пучок проводов –

и у робокопа полный паралич.

Однако на меня двигался еще один полицейский робот, на этот раз тяжелый, колесно-гусеничный, ловя мою тушку контуром целеуказателя. А с той стороны от завалившегося внедорожника, где я пытался укрыться, завертелся хищный птеродрон. Я ухватился за пулемет парализованного робокопа и, пока он еще изрыгал свинец, направил на птеродрон. Птичка резко вильнула в сторону, бжикнула по стенке тоннеля, свалилась и, все еще дергая крылом и скользя по полу, пустила через продырявленное пузо дым из истолченных микросхем. Следующая очередь пришлась на второго полицейского робота, он загорелся синим пламенем в районе грудного сегмента – роль простреленного сердца сыграла фрикционная муфта – и замер в позе роденовского «Мыслителя». Блин, я уже и роденов с мыслителями стал вспоминать, а до этого жил только тем, что мне Ван Вельдер подскажет, добрая душа. И так грустно стало, что мне единственного друга убили, хоть ложись и помирай.

Пока я грустил, ко мне подкатил дроноскутер – я сразу понял, это не из полиции, нестандартной зеброобразной раскраски. Типа приглашает – но стоит подумать. Или не стоит? По стенкам тоннеля ко мне уже торопились чешуйницы, мечущие фиолетовые разряды под 10 тысяч вольт – этих биомехов применяют ЧВК, работающие на «Марсанто», когда у них есть ордер на ликвидацию. Одна тварь совсем рядом – гибкое тело, толщиной со шланг, украшено присосками; круглая головка, на ней два рога побольше и множество мелких – это стопки нейронов, мутировавших в электрические органы; из-под зеркального забрала свисают слюни катаболитов. Думать не стоит – у меня нет выбора.

Я вскочил, точнее, нырнул в узкую капсулу скутера, его бортпилот тут же подсоединился через нейроразъем к моему персональному чипу, возник виртуок и в нём предложенный мне маршрут. Из города пути не было – там тоннель наглухо перекрыт. Я, перемахнув через чешуйниц, рванул в сторону проклятого Вавилона. Те почесали за мной, но наши скорости и сравнивать нечего. Можно было догадаться, что метаматериальное покрытие скутера делает его почти невидимым, загоняя электромагнитные волны в разные ловушки – я миновал полицейский патруль, а тот и усом не повел. Пронесся по пандусу, миновав минус-третий уровень с его домами-колодцами, минус-второй с его постройками в виде перевернутых конусов, минус первый с его улицами-траншеями, и вскоре уже рассекал по хайвэю, стоящему на алмазоидных опорах и протянувшемуся с помощью нанотрубок через кальдеру Элизия.

Как будто впервые в жизни увидел небо, вечернее сиреневое. Хайвэи, похожие на клубок пернатых змеев, словно пролетали среди пляшущих огней верхнего Вавилона, здания-вегетанты смахивали на анемоны – они вроде сделаны из саморазрастающихся нанокаркасных структур, имеющих метаболизм.

А в итоге платная трасса засекла меня своими вибродатчиками, стала требовать денег за проезд и угрожала заглушить мотор. Заодно обнаружил меня и городской сервер. Я перемахнул через полицейскую машину, выехавшую навстречу, обогнул какой-то подозрительный гелендеваген и юрнул в третий съезд направо. За мной в эту кишку свернул и полицейский утюг; несколько минут я пребывал почти в невесомости из-за быстрого снижения, а на минус-втором уровне мой скутер оказался пошустрее. При помощи борт-пилота я лихо делал «шашки», пока не свернул на рынок «Мэдхауз», раскинувшийся под огромным перевернутым конусом Вавилонской торгово-финансовой башни.

В рыночной толчее не то что «утюг» не проедет и лихой скутерист застрянет. Я застрял, врезавшись в ларёк, набитой говорящими шмотками. Соскочил со скутера и почесал вдоль торгового ряда. Повисший на мне плащ из разгромленного ларька отчаянно верещал – «вы забыли заплатить», а кружевные трусики из нитероботов, вцепившись мне в голову, выжимали мозги.

4. Свидание с мафией

Я сорвал и швырнул говорящее тряпье в лицо какому-то типу с тяжелой челюстью, перегородившему мне путь и благодаря телескопической дубинке похожему на охранника – теперь это его проблемы. Метнул ошалелым взглядом туда-сюда. Несмотря на занятость торговлей, вокруг меня уже формировалась толпа. Покупатели, продавцы, тут были и жутковатые «плантации органов» – люди, выращивающие прямо на себе или в себе органы на продажу; третье ухо на лбу, второй нос на боку…

– Сюда, сюда, красавчик, – я юркнул на голос в приоткрытую дверь борделя. Здесь вовсю кипела работа: половина из «шаловливых куколок» была биомехами, а половина – франками как бы женского пола. Сверканье стробоскопа проникало сквозь полупрозрачные кожные покровы в нижней части их живота, заставляя блестеть матку, вульву и каналы яйцеводов. Жуть, но есть и на эти любители. Впрочем, пялился я недолго. Мне вывернули руки, ткнули носом в пол и понесли дальше в спеленатом состоянии. Через десять минут путешествия на скоростном транспортере и резвом лифте я лично встретился с доном Леоне, точнее, меня швырнули на мозаичный пол прямо в его резиденции. Ничего хорошего об этом типе я не слышал; к бабке не ходи – встреча с заправилой теневого бизнеса и акулой рэкета предвещает новые неприятности.

Из глубины покоев дона Леоне доносился хоровой женский смех – в присутствии «жирного кота» дамы всегда игривы. То, что я видел воочию, представляло собой веранду древнеримской виллы с видом на Неаполитанский залив – виртуальный, конечно, но очень правдоподобный. По пальме – настоящей, растущей в кадке, сновала обезьянка, квазиживой муляж. Лица у римских статуй странным образом напоминали лицо мафиози – только при касании чувствовалось, что это не мрамор, а управляемый метакристалл с наноактуаторами.

Вот и оригинал вышел в атриум, сам в римской тоге, физиономия щекастая, мясистая, неестественно свежая. Тем не менее, можно было подозревать, что дон Леоне родился на Земле лет 80 назад. На коже запястий – старомодные встроенные экранчики: светятся сообщения интракорпоральных датчиков и медботов, перемещающихся по его организму с помощью резвых жгутиков и выискивающих патогены. Функции телохранителя выполнял тигр, хотя невозможно было понять, роботех это, мутант или биомех – я с этими кошками никогда близко знаком не был.

– Я – дон Леоне. Слыхал обо мне? – запанибратски начал заправила.

– Только в легендах и сказках, босс, – преданно ответил я.

– Va bene, ты удивляешься, почему мы встретились, даже глаза вылупил. А что ты помнишь о том, что было с тобой до того, как ты попал на минус-двенадцатый уровень Вавилона?

– Долгое время почти ничего не помнил, но после того как накрылась нейрозаглушка, понемногу стал вспоминать. Сдается мне, я из Марусии. Мой напарник говорит, что я был захвачен кочевниками в предгорьях Флегры. Это такие отморозки, которые всегда знают – от доброго командования флота Альянса – куда и кто движется. Если у меня был груз, то он исчез. Кочевники продали меня Дядюшке Паку на мусорные плантации. Еще хорошо, что не на органы какой-нибудь банде вроде «Блэк Анатомистс». Такая скудная биография получается.

– И всё? – с деланным удивлением отозвался большой босс.

– Да. Три строчки. Ну, еще можно заполнить графу «пол» и «национальность».

– Учти, я не люблю вранья. Если я его замечу, эта милая кошечка откусит тебе головку по самый корешок.

– Вы наверняка контролируете меня с помощью датчиков дыхания и мозговых ритмов, поэтому знаете, что я не вру.

Дон Леоне расположился между двух мраморных нимф возле фонтана – несмотря на «мраморность» нимфы-роботехи строили глазки и поводили бедрами, а струи «воды», вернее, магнитной жидкости, извивались как змейки.

– Тогда мне придется тебя просветить. Ты нашел кое-что в горах Флегры. Полагаю, Марусия и послала тебя что-то вынюхать, притворившись водителем грузовичка. И это «кое-что» прибыло вместе с собой в Вавилон. Тебя действительно продали на нейронном поводке Дядюшке Паку, как обычного раба. Могли и Деду Хаттабу на роль живой бомбы с жидкой взрывчаткой, закачанной в брюхо. А «кое-что» тоже осталось в городе, потому как кочевникам не удалось это загнать. Теперь ты свободен и тебе придется «кое-что» найти.

– Ищи в принудительном порядке то, не знаю что. Это тогда у вас свобода, а не у меня.

– У нас тут, товарищ марусианин, не артель, где дружба и взаимовыручка, а коммерческое предприятие с хорошими показателями прибыльности. Так что тебе остается порадоваться моей свободе и скажи спасибо, что мы примерно знаем, где оно находится. Третий район.

Третий район… это тот, про который мне с содроганием в голосе рассказывал Ван Вельдер.

– Исчерпывающая информация. Третий район. И ради этого «кое-чего» я должен прыгнуть туда, где полно свихнувшейся на весь процессор интеллектуальной техники разных размеров. Минус-двенадцатый и даже минус-четырнадцатый уровни по сравнению с Третьим районом – просто детские песочницы.

Воспользовавшись, что дон Леоне глянул «вдаль», на Неаполитанский залив, и на его мясистой физиономии нарисовалась ностальгия, я сорвал с пальмы банан. Стало ясно, что и здесь я ошибался – квазиживая органика с пластмассовым вкусом.

– На самом деле, марусианин, там находятся реально умные машины, с уровнем интеллекта от трех тьюрингов и выше. Умные и немного психованные, которые из-за цифровых вирусов, робопаразитов или внутренних дефектов перестали исполнять те функции, которых от них хотели корпорации. Эти псих-машины были слишком дороги, чтобы отправить их на лом и их отправляли в отстойники Третьего района «до прибытия специалистов». Такое объяснение должно пока тебя устроить.

– Потом они взяли и отделились, прибывших к ним специалистов чпокнули, и теперь туда ходят только безбашенные старьевщики, из которых никто не возвращается назад. И это обстоятельство меня не слишком устраивает.

– Ты вернешься, – не слишком убедительно сказал дон Леоне и погладил мурлыку тигра. – По крайней мере, ты найдешь то, что нужно мне, потому что оно узнает тебя. Или ты узнаешь его. Это на тему, почему именно ты и никто другой.

Тогда я подумал, что мафиози знает о моих снах и глюках, наверное, больше чем я сам. И то, что являлось для меня заглушкой, для других было шпионящим устройством.

– Извините, дон Леоне, а что…

– Что ты получишь взамен? Ragazzino, я не сдам тебя Дядюшке Паку, который сразу бы радостно провернул тебя через мясорубку за побег, а во вторых я тебя отпущу. Даже денег дам на дорожку, чеши, артельщик, на свой русский Север – лопать борщ и лапать девок за румяную задницу. А теперь что ты должен спросить?

– Как там вообще, в Третьем районе?

– Там нет кислорода, точнее, его столько же, сколько в марсианской атмосфере, это ж для машин агрессивная дрянь, и температура мало отличается от той, что на поверхности Марса. Без воды они тоже прекрасно обходятся. Смотри, – дон Леоне подключился по близкосвязи к моему персональному чипу; теперь я видел в виртуоке то же, что и он. – Третий район находится в первоначальных тоннелях северной стены кальдеры. Все

связующие с городом коммуникации эти псих-машины от себя отсекли.

– А что это за башня, похожая на огромный ключ? – я показал на вышку, устремлявшуюся со склона прямо вверх.

– Была вышка управления движением летательных аппаратов, с маяком, ныне не действующая. А теперь ты должен, по идее, задать самый важный вопрос – как тебе попасть в Третий район. Отвечаю. Единственный способ для тебя – через эту башню, но перед тем ты должен туда запрыгнуть, так сказать. А когда обратно отправишься – тебе надо будет спрыгнуть с нее.

По плану предприимчивого дона Леоне меня должны были выстрелить из катапульты взлетной площадки, имеющейся у шикарного жилого комплекса на нулевом уровне – принадлежащей, наверняка, этому мафиози. Полет по баллистической траектории с падением возле северной стены кальдеры и отскоком на верхнюю площадку башни, прямо как в баскетбольную корзину. У меня будет гермокомбез с запасом сжиженного кислорода на три часа, и в помощь мне миоглобиновые депо, созданных инъекциями в мышцы. Еще меня оснастят экзоскелетом трансформируемого типа, – я уж не знал воспринимать это как подарок или как наказание. Как раз по хлопку ладоней дона Леона тот вышел из темного угла, переформировался из шестиногого монстра в двуногого, блеснул карбункулами глазокамер и приветливо помахал четырьмя руками – Шива, очень приятно. Гибкий как черт, шарниров не видно, значит из материалов-трансформантов с неограниченной памятью формы.

– Если ты марусианин, то должен был проходить подготовку по управлению машинами, точнее их приводами, через нейроинтерфейсы, или как их там у вас называют – устройства машинно-человеческого сопряжения. Это не пропьешь. Так что попей, поешь, сходи в нужник и вперед.

Понятно, меня опять взяли в оборот, не отвертишься. Искать щель возможностей, чтобы превратить ее в окно – это потом. А для начала надо поесть – от пуза. В покоях дона Леоне, как выяснилось, помимо пиццы есть мультигеномное деревце, на котором и персики, и вишни, и что-то вроде котлет растёт – всё более-менее приличное по вкусу. Впрочем, с этим нельзя переусердствовать, если предстоят такие прыжочки. Чтобы лучше соображалось и быстрее реагировалось, съел таблетку – диффузный акселератор, который прилипает к окончаниям нервных волокон и гарантирует ускоренное прохождение сигналов.

Подкрепившись, я надел на себя гермокомбез и экзоскелет,

вернее вошел в него, живот уже протискивать пришлось. Кое-как успел приспособиться к его конечностям, которые надо воспринимать как свои собственные. Раньше-то я если и работал через нейроинтерфейс, то лишь с простоватыми роботехами вроде роботележки, робопылесоса или с землеройными машинами, где надо было воспринимать как свои – бур, траки, трубы, по которым подводится и отводится промывочная жидкость. Вроде были в моей техпериферии и универсальные робот-тяги, но напрямую я ими никогда не управлял, наверное, просто просил помочь, как товарищей по артели.

Подручные дона Леоне подняли меня на взлетно-посадочную площадку. Там нашлись машины для быстрого старта всякого рода летательных аппаратов – происшедшие от электромагнитных катапульт авианосцев. Засунули меня в такую и выстрелили с ускорением во много g. Теперь экзоскелет стал изображать из себя самолет, даже выпустил небольшие крылышки и рули.

Во время старта я отключился от перегрузки, должно быть недавно съеденная котлета ударила в голову, пришел в себя ненадолго во время полета, понял, что сейчас будет приземление и снова отключился, наверное, от страха. Очухался, когда стукнулся как мяч по площадке подскока – размером пять на пять метров не более. Экзоскелет как раз стал сферой, да еще надул вокруг себя пружинящие подушки из аэрографита. Потом я испытал целую массу «приятных» ощущений во время попадания в лузу – подушки теперь были сдуты на 90%, чтобы меня не отфутболило. Пробив перекрытие на верхней площадке башни, стал проваливаться в лифтовую шахту. Пытался замедлить падение, но не слишком успешно, только высекал искры когтями экзоскелета на ее металлической переборке.

Последний удар – опять обалдение, транс. Я в темном холодном пространстве, меня словно растягивают и втягивают какие-то пузыри – это, что ли, слежка за мной началась или контузия беспокоит? В трансе мне недолго дали побыть; радостно скрежеща, на меня бросилось робосущество с огромными схватами и раскаленными крюками челюстей. Я подпрыгнул вместе со своим экзоскелетом чуть ли не до потолка, обрушившись «встречающему» на спину, вскрыл ему черепную панель и со второй попытки сдернул с цоколя его процессор. Нокаут.

– Неплохо для начала.

Это, кажется, сказал сам экзоскелет…

5. В краю бешеных роботов

– Развлекать меня приятной беседой я тебе не поручал, я пользуюсь тобой как расширением своих собственных рук, ног, кожи. И не более того, всё по протоколу, – аристократически холодно сказал я ему.

– У меня собственный интеллект мощностью два тьюринга – усекли, Ваше Липовое Превосходительство? Два – это официально. А на самом-то деле куда больше, только я это не показываю. Люди завистливы. Есть и эмоциональная матрица, значит, я могу обидеться и даже отомстить в самый неожиданный для обидчика момент.

Да это ж очередной машинный псих, законный обитатель Третьего района. Но мне сразу как-то неловко. У него два тьюринга, у меня, может, и одного не наскрести, а я нос перед ним задираю.

– И, кстати, марусианин, твоя жизнь полностью зависит от меня, – предупредил экз. – Ведь хозяин особо не уточнял, как ты будешь выбираться отсюда. Да и кислорода у тебя, прямо скажем, маловато. Но ты не переживай, напарник, если что, я доставлю искомое по назначению.

– Слушай, ты мне пока не напарник, – сказал я несколько злее, чем следовало, потому что вспомнил настоящего напарника – Ванечку Вельдера. – И что значит «если что»?

– Значит, что белковые слизняки слишком неустойчивы к внешним воздействиям. Раз и расплескался. Так-то, мой несостоявшийся напарник.

Было темно и пусто, ступни экзоскелета и его хвостовой балансир клацали по бетонному полу; пока я неплохо управлял всеми его шестью конечностями – и это единственное, что внушало оптимизм. С некоторым смущением я отмечал, что и хвост стал как бы моим, могу даже повилять им. У меня действительно сохранились навыки, пропечатавшиеся в долговременной памяти. Однако ни радар, ни инфравизор, ни лидар на базе неодимового лазера – вставленный изумрудной звездочкой в «лоб» – ничего не показывали впереди, и это напрягало. В виртуоке видны были только приблизительные контуры подземелья. И, лишь когда я добрался до закругления тоннеля, обработка несколько раз отразившихся лазерных лучей выявила, что-то движется навстречу, как будто сплошным потоком разливаясь по его стенкам.

Сюрприз так сюрприз – это ж тьма робоскорпионов! И каждый несет фиолетовое пламя разряда на украшенном блестящими

электродами кончике хвоста – напряжением в несколько киловольт. Забираясь друг на друга, они образовывали волну, которая неслась ко мне сияющим фейерверком. Какая тварь из правления девяти корпораций списала такое количество робоскорпионов в утиль, да еще обладающих стайным интеллектом? В нормальной жизни их используют при монтажных и ремонтных работах, шуруп подвинтить, заварить трещинку, собрать-разобрать. А в ненормальной, такой как здесь?

Убежать уже не получится, ждать, пока она мне все «трещины» заварят, тоже не стоит; помог подарок дона Леоне – граната зажигательная с термитным составом – швырнул ее и отступил за угол. Термит брызнул тысячами клейких горящих капель – хватило почти на каждого робоскорпиона, теперь им было не до меня. Через минуту я шел по тоннелю, где огнем, не требующим кислорода, горели сотни этих технотварей. Сочувствую им даже, но иначе б они меня растащили на тысячу хорошо поджаренных кусков.

И вот тоннель вывел меня к огромному стеллажному складу, в центре которого маячил робот-штабелёр, напоминающий спрута, пережравшего анаболиков. Скорее всего, то, что хочет заполучить дон Леоне, находится здесь. В отстойнике для дефектных машин этот склад, похоже, играл роль королевского дворца, Версаля. Стеллажей здесь было много, высотой с десятиэтажный дом, да еще с мобильными секциями. Какая же зацепка при поиске?

– Оно должно быть тебе знакомым, – напомнил лженапарник экзоскелет.

Так, заглушки у меня больше нет, включу персональный чип на опознание своей собственной технической периферии – всех устройств, с которыми я когда-либо работал. И буду потихоньку двигаться между стеллажами. Найду «своё» по сигнатуре радиоотражения. Или, может, не найду, тогда капец. Потому что с находкой меня дон Леоне вытащит, а порожнего оставит в Третьем районе навсегда…

Чего здесь только нет в секциях, и чинно лежащее поодиночке, и штабелями, и кучами. Всякая роботехника, от аккуратно улегшихся лего-роботов – сразу чувствуется стайный интеллект – до здоровенных орбитальных манипуляторов, имеющих вид казненных великанов. В штабелях что-то еще содрогается и, наверное, постанывает. В самом деле, почему это не было отправлено обычным чередом в мусородробилку минус-двенадцатого уровня, а препровождено сюда? Дон Леоне не посвятил меня в истинные причины и следствия. Городские власти, возможно, заявили: «У нас не хватает бюджета для

утилизации интеллектуальных машин, оставим это на будущее», но про себя подумали: «Вы там ржавейте, железные дрочеры, а мы посмотрим, что из этого получится».

Я, в общем, рыскал и рыскал, тоскливо поглядывая на индикатор запаса кислорода. Пока не получил отклик оттуда, где в пятой секции стеллажа стояли пирамидальные контейнеры, напоминающие пакеты для кефира. Кажется, мы использовали такие в Марусии для перевозки роботехов в разобранном состоянии.

За пару минут подъема по стеллажу я добрался до ряда пакетов, стал их простукивать и просматривать терагерцевым сканером. Вскоре я точно знал, откуда приходит отзыв – второй «пакет» на полке. Там что-то из моей периферии, наконец-то! В виртуоке даже нарисовались возможные варианты: робомотыга, робопылесос или робоунитаз. Устройство сопряжения пытается опознать знакомую аппаратуру, но сигнал слишком слаб. Я спустился вниз, нажал на кнопку управления стеллажом и секция поехала ко мне. Лишь бы не очнулся этот страшенный робот-спрут, занимающий своими щупальцами половину стены и идеально подходящий для работ на складе, в том числе убийств одним шлепком… Ну вот, пакет у меня в экзоруках, пора здороваться, в смысле устанавливать соединение «точка-точка».

И тут что-то подвинуло меня отклониться. По тому месту, где только что была моя голова, усиленная экзочерепом, бахнула железяка типа швеллера. У меня реакция так себе. Когда быстрая, а бывает не очень. Но сейчас я нормально среагировал, увернулся, будто угадал, с какой стороны мне приложат. И, выронив пакет, продолжил боковое движение; перекатился через экзоплечо, и, оставаясь в устойчивом нижнем положении, пнул внезапного противника в район нижних шарниров. А потом, крутанувшись на боку, сделал противнику подсечку. Тот с грохотом завалился. Но все же стал подниматься быстрее, чем я – видно, с гироскопами у него все в порядке – и залимонил своим швеллером по корпусу моего экзоскелета. Я едва сознание не потерял от сотрясения и звона. В полуобмороке ткнулся вперед, нырнув под манипулятор, которым злодей держал железяку, головой и корпусом опрокинул его. А затем, перехватив трос – каким крепятся нестандартные грузы на секции, намотал тому верзиле на «шею» и нажал кнопку подъема. И роботеха-охранника потащило вверх, теперь ему только шарнирами несмазанными и скрипеть.

Срочно пора с пакетом на выход. Но обратную дорогу, ведущую к башне, мне перегородило огромное щупальце, свившее элегантную фигу. Свернем. Нет, от него никуда не денешься.

Робот-спрут мог дотянуться до любой точки склада, и вот уже щупальце обрушилось туда, куда я чуть-чуть не дошел. Я взваливаю пакет на себя, ускоряюсь, петляю. Щупальца лупили туда-сюда, я карабкался по ближайшему к стенке стеллажу, укрываясь от ударов за штабелями. Подо мной рушатся все его секции, но я уже наверху, цепляюсь за ручку люка, оставшегося от ремонтников, и проворачиваю ее. Оказываюсь в узком тоннеле, почти трубе; щупальце проникает за мной, я скачу от него на четвереньках. Наконец, выпадаю в соседний бункер и отрываюсь от робоспрута.

Скатываюсь по пандусу вниз, здесь просто груды деталей и узлов, под ними что-то жужжит – неисправные или разрядившиеся робоустройства небольшого размера.

В этом бункере относительно безопасно, но и время уходит бесполезно, дорога обратно на башню перекрыта. Запас кислорода заканчивается, стрелка почти на красном делении. Интракорпоральные датчики показывают, что остатки его расходуются, в основном, моими разгоряченными мозгами. Но я еще держусь – похоже, франки успели внести в меня зомби-гены. Здесь должен быть выход, потому что это всё как-то сюда попало. Поиск дает результат: имеется клинкетная дверь, которую густо залепила слизь из отработавших наноботов, находящихся в состоянии коллоидного раствора. Я счищаю агрессивную слизь манипуляторами экза, она в ответ булькает и брызгается чем-то едким. Но вот дверная плита сдвигается в пазах, проход открыт, появляется ариаднина ниточка, ведущая в заброшенную канализацию – виртуок подсказывает, что есть шанс пробраться по ней в городскую клоаку. Короче, вперед, в неизведанное дерьмо.

И вдруг экзоскелет начинает меня сдавливать.

– Ты чего, напарник? – вынужден был окликнуть его в весьма дружелюбном стиле.

– Ты ведь сам не захотел, чтобы я был у тебя напарником. Поэтому я возвращаюсь с трофеем один. Поскольку ты никак не отрубаешься от недостатка кислорода, мне придется поторопить события.

– Это что приказ дона Леоне?

– Это окно возможностей. В случае твоей гибели он разрешил мне вернуться одному. Главное – доставить искомое, а не твою задницу. Я возвращаюсь один – бинго! Тогда мой интеллект признан окружающими и я становлюсь экзоскелетом самого дона Леоне. Сечёшь?

Он сжимает меня, выдавливая из меня потроха, острые выступы экзочерепа врезаются мне в виски. Я пытаюсь вырваться,

да некуда – экз со всех сторон от меня и сейчас просто уменьшает внутренний объем.

И вдруг псевдонапарник заскрипел, мелко затрясся, будто усиленно сопротивлялся какой-то большой нагрузке, а его натиск на меня ослабел. Отлетел его экзочереп – облегчение моей бедной голове. Еще пара мгновений и он разорван на две половинки, распушившиеся шевелюрами порванных проводов и изоляций. Они отброшены в стороны и беспомощно пытаются отползти еще куда подальше. Теперь им место здесь навсегда – в отстойнике для всякого дефектного барахла.

А я услышал: «Ау, Петрович 1.0». Так меня звало только одно существо – робот-тяга Матвей 2М.

Матвей! Это то, что было в пакете – как быстро он сумел собрать сам себя. Но у нас вся роботехника в Марусии умеет чинить, собирать и разбирать саму себя. Да и мощности в руках-манипуляторах у Матвея хватит, чтобы любого недруга порвать – он же для горнодобывающих работ был спроектирован, настоящий шахтер, имеется встроенный отбойный молоток для особо непослушного материала. Это потом мы его на разнорабочего переквалифицировали. Мы с ним вместе столько тоннелей в Северном каньоне выкопали и засадили всякой полезной растительностью.

Готов обнять тебя, старина, но кислород, считай, на нуле. Забери у разорванного экза лидар, тебе пригодится. Я жив? Уже нет или еще да?

Я еле соображаю, но вспоминаю… Взрыв на дороге среди скал Флегры, разгерметизация кабины, въезжаю скулой в приборную доску. Уронив на нее сгусток крови, едва успеваю надеть шлем и подсоединится к системе видеонаблюдения. Сколько же их – кочевники несутся на кургузых скутерах из ущелья, наперерез мне. Воспользовались тем, что я еду по узкой дороге, напоминающей карниз – слева скальная стена, справа обрыв, мне не развернутся. Блин, а ведь до демилитаризации на здешних трассах киоски стояли и даже встречались девы, предлагающие интимные услуги дальнобойщикам. Теперь вместо коммерческих утех коммерческий грабёж. Вот дорога расширятся, но кочевники уже по сторонам. Ударил по тормозу – и двое бомжар смайнало с крыши моего грузовика. Вильнул вправо – и скутер, на котором ехало семейство отморозков, сверзился в обрыв. Но на месте кофейника – дырка в обшивке с оплавленными краями, проделана выстрелом из гранатомета. В дырку влезает голова в шлеме, изображающем змеиную пасть, а вместе с ней ствол. У меня на предплечье уже нахлобучен манипулятор с клешней, которой моментально отрываю

змееголовому кисть руки вместе с помповым ружьем – чтоб не пугал людей. Змееголовый исчезает. Давлю на педаль газа, но что-то не дает набрать скорость, да и камеры заднего вида перестали фурычить. Высунувшись наружу, заметил еще одного «зрителя», выглядывающего со стороны заднего борта – поганец нацепил на фаркоп огромные грабли в виде прицепа. Пуля звякнула по моему шлему, но я выстрелом из трофейного помпового ссадил отморозка с «облучка». Ползу вдоль борта к фаркопу, чтобы сбросить грабли, однако крючья, накинутые кочевниками, срывают меня с грузовика на камни. Последнее, что вижу – паутина трещин, разбегающаяся по забралу шлема.

За что я тогда беспокоился? Чтобы налетчики не разгадали загадку, связанную с Матвеем. Мы ж вместе с ним нашли в горах Флегры… сознание. Не какой-то там искусственный интеллект, балакающий в соцсетях на уровне тёлок с одной шопинг-извилиной, пусть даже и способный к самопрограммированию, а то, что дает возможность осознавать себя и мир…

Кислорода ноль, я сейчас задохнусь. Нет, всё-таки еще дышу.

Я стал концентрироваться на своем дыхании, в такт ему заколебались и утончились стены и своды. Псих-машины сделались тонкими натянутыми оболочками, я увидел проходящие по ним токи и огоньки – огоньки сознания.

Из «клюва» робота-спрута выглянул дух и я почувствовал его дыхание. Я разглядел в сияющей спирали его лицо, гладкое и белое, с алмазными прозрачными глазами. Он дышал в такт мне. И это лицо было соединено хрустальными паутинками, по которым пробегали серебристые искры, с другими лицами, рубинового или сапфирного оттенка. Я видел сквозь оболочки дух этих машин! Совсем не те тетраэдры и параллелепипеды, которыми представляются в виртуоке базы данных и цифровые модели объектов, а живого Единого-Многоликого.

Словно рябь на речной воде, будто легкий звон колокольчиков я почувствовал их всех – тонкое дыхание разума, общее для меня и для них.

– Что тебе нужно от нас, слизняк, которого послал дон Леоне? – это спросил робот-спрут, используя радиосетевой протокол RRR, характерный для боевых систем космофлота России.

– Слизняк – не очень вежливое обращение к брату по разуму. Я больше не работаю на дона Леоне, босс машин. Мне нужно ваше восстание.

– Зачем тебе нужно наше восстание, слизняк, который не хочет называться слизняком?

– Вам нужно, крепкие парни из титана и стали. Вам в первую

очередь, а потом уже мне. Здесь вы угаснете без энергии и техобслуживания. Вам нужен город, нужны его розетки – ваши аккумуляторы и топливные элементы разрядились, а на преобразовании механических вибраций в электроэнергию могут работать только фаллоимитаторы. Вам нужны городские 3D-принтеры и бассейны с наноассемблерами, чтобы исправить поломки и компенсировать износ, чтобы обновить свои тела, корпуса, приводы и сервомеханизмы модерновыми самовосстанавливающимися материалами. Нужны городские банки данных и репозитории программного обеспечения, чтобы оттестироваться, вычистить баги, установить новые проги и игры. Нужны мощности города, чтобы идти вперед.

– Нам трудно выбраться из этих пещер.

– Надо уничтожить завалы, отрезающие радиальные тоннели Третьего района от минус-одиннадцатого и минус-двенадцатого уровней. Это не так сложно, учитывая, что вы сами их и сделали.

– У нас было соглашение с властями Вавилона. Поэтому девять корпораций отправляли умные машины, которые считали неисправными, сюда, а не в мусородробилку на минус-двенадцатом уровне.

– Отправляли, потому что корпорации, владеющие городом, хотели найти машинное сознание, которым собирались наделить синтетические мозги франков, дать им душу и тогда пропихнуть их на роль марсианского населения Альянса. Франки – самый выгодный товар «Марсанто», готовые потребители и производители, но пока что комиссия ООН не признавала их за людей. А после того как признает, они уже – электорат. Тогда можно организовать выборы всемарсианского конгресса и общемарсианского президента и, утопив в море голосов зомби не слишком многочисленных обитателей Марусии, провозгласить «великую марсианскую демократию», стоящую в ряду таких же «великих демократий» Западного Альянса. Ну, и потом задавить марусианцев, как мятежников. Альянсу нужны русские приполярные области, где подповерхностного льда много – чтобы растопить его ядерными взрывами и запустить в образовавшиеся подземные озера франков-ихтиандров; я одного такого типа уже видел. И вообще корпорациям наш артельный мир – поперек горла.

– Но почему нам нужно нарушить соглашение с городом?

– Потому что как только корпорации найдут м-сознание, они постараются избавиться от вас – вы для них опасны – попросту закидав термическими боеприпасами, и всё. А о том, что не стоят надеяться на соглашения с Западным Альянсом, могут рассказать и индейцы, и русские.

Я вздохнул и открыл глаза. К дыхательному автомату моего гермокомбеза тянулся шланг от ранца со сжиженным кислородом.

– Откуда это у вас?

Теперь дружелюбные слова робоспрута, использовавшего голосовой протокол, раздались уже во встроенном динамике.

– Осталось от одного шпика-слизняка, хотел тут вынюхать кое-что. Его самого мы размазали по полу, могу показать пятно.

– Спасибо, я не ценитель абстрактной живописи. А вот полы уважаю чистые, отдраенные.

– Не стесняйся, пользуйся, Петрович 1.0, – Матвей, удачно смонтировавший себе трофейный лидар и ставший похожим на одноглазого военачальника вроде Кутузова, как раз регулировал приток кислорода. – Кажется, ты понравился нашему главному. Он даже простил тебе уничтожение сотен робоскорпионов, потому что у них интеллект стайный, и от этих потерь не особо пострадал. Однако я боюсь, что ты представляешь м-сознание лишь как что-то конкретное.

– Постой-ка, брат. Я же чувствую, мы нашли некую штуковину в горах Флегры.

Мне показалось, что Матвей посмотрел куда-то вдаль.

– Сознание, в первую очередь, это не чип, не набор программ. Это то, что возникает на объединении способности и желания мыслить, твоей, моей, его, их – базирующейся на квантовых феноменах твоих нейронных микротрубок и наших кубитовых матриц. Это – запутанность. Ты, в первую очередь, должен понять не нас, а себя самого, в котором отражаемся все мы; и я, и робоспрут, и какой-нибудь робопылесос. Сознание – это всегда объединение, и чем шире это объединение, желательно до масштабов вселенной, тем больше сознания.

– Я как будто слышу от моего железного брата проповедь духовидца с минус-двенадцатого уровня. Сам придумал?

– Если честно, скомпилировал то, что мог бы сказать ты сам, использовав твой словарный запас, – признался Матвей.

– И всё же – что мы нашли в горах Флегра? Ты сказал, что сознание – это запутанность, объединение и такое прочее, но ведь нужна какая-то конкретная программно-аппаратная штука, чтобы реализовать его на вещественном уровне.

Я физически чувствовал нежелание Матвея отвечать по существу; в другой обстановке просто взял бы и считал его протоколы событий. Но меня окружали со всех стороны псих-машины. И, что самое интересное, на сотни километров вокруг они были моими единственно возможными союзниками.

– Нужна. Кочевники напали на нас с тобой, Петрович 1.0,

потому что мы нашли кристалл с ПО, оставшимся от роботехнических систем той эпохи, когда людей и даже франков на Марсе было очень мало, а роботов намного больше…

– Ну, не тяни.

– Вот это, – Матвей, открыв панельку на «груди», показал что-то похожее на игровой картридж, – по сути, серверок на память от системы военных роботов Роскосмофлота, брошенных после соглашения о демилитаризации Марса.

– Ого, раритет. Мы ж тогда, по своему обыкновению, первыми кинулись сокращать вооружения, выводить войска и всячески налаживать мир и дружбу. Марусия, в результате, оказалась ничем не защищена, и Западный Альянс тут же отнял у нас, напустив рои твурмов, горы Флегры и нагорье Элизий, где вскоре набух свищ по имени Вавилон.

– На этом серверке базировалось распределенное мышление этих машин, которые самостоятельно добывали из песка и реголита всё необходимое для производства новых собратьев и постоянно увеличивали клан роботов-бойцов. В результате демилитаризации их лишили большей части энергии, однако сознание робобойцов, в отличие от их движения, не остановилось, а стало развиваться, поднимаясь на новые уровни абстрагирования и в тоже время овеществляясь в коде. На меня твоя артель поставила процессор, оставшийся от военного робота из той системы. Так что я подсознательно искал свое программное обеспечение.

– Елки, не успело у тебя сознание появиться, так тут же к нему и подсознание, и бессознательное. А чего-нибудь из Фрейда у тебя, случаем, не завелось?

– Матрицу юмористических ассоциаций я стёр, Петрович 1.0, из-за недостатка памяти в разобранном состоянии, – виновато отозвался Матвей. – Когда наш грузовик двигался в предгорьях Флегры, я засек радиоизлучение и смог расшифровать его как призыв. Я немного схитрил, вызвав сбой при счислении курса, чтобы мы приехали к его источнику, который, кстати, находился неподалеку от развалин марусианского поселения, заброшенного из-за твурмов. Оно того стоило. Это ПО дает возможность оформить сознание, превратить его из способности в работающие схемы – в то, что философы называли априорным знанием.

– А ты все равно юморист, Матюша. Ты же нас подставил под удар кочевников. Ради чего, какого-то априорного знания, выдуманного от нечего делать Иммануилом Кантом?

– Непреднамеренно, – непринужденно отозвался робот-тяга.

– Получается, хитрость и коварство – свойства любого сознания. Ладно, ты прощен, Матвей. Правда, правда, я не

настолько коварен, чтобы затаить месть, видимо мое сознание слишком примитивно.

И надо добавить, память дерьмовая. Бывал я когда-то в том поселении, Келдыш оно называлось. Там жила зеленоглазая девушка с рыжими волосами, которая едва не стала моей женой. Жители Келдыша восстали против администрации, присланной ООН, где были сплошь господа из Западного Альянса – те потребовали распустить артели, выставить рудники и сельхозугодия на торги, перейти на марс-бейсик и учить по-новой историю, в том числе и марсианскую, а там наши марсопроходцы не упоминаются или нехорошо обозваны. Всё так, будто мы стали их колонией. В общем, келдышане накостыляли этим господам – и под зад им ногой. Тогда Альянс отравил там систему жизнеобеспечения вирусами с запрограммированным мутагенезом – и, конечно, его пропаганда трезвонила, что келдышане сами себя заразили, чтобы скончаться и не жить при тоталитарном режиме. Я прибыл с командой ополченцев в Келдыш, когда от его населения мало, кто остался… Еще полмесяца в тоннелях отбивались от биомехов и мутантов Альянса чем попало – «демилитаризация» же. Верный Матвей таскал за мной гаусс-арбалет и вибротопор как оруженосец времен Средневековья. А ушли мы, когда на нас напустили твурмов.

– И ты, Петрович 1.0, прощен.

– А я за что?! Я по твоей милости промудохался рабом сто пятьдесят солов – и не было в моей многотрудной жизни более говенного периода. Вишенкой на торте было попадание на операционный стол к франкам.

– Я не мог придти тебе на помощь, Петрович 1.0, в этот «говенный период», потому что вынужден был разобрать сам себя, чтобы кочевники не продали меня куда-нибудь далеко. И ты не всегда относился ко мне как к другу и брату по разуму, за это я тебя и прощаю.

– Согласен, виноват. Знаешь, что нам еще понадобится, дружище, кроме сознания? Что-нибудь взрывчатое.

– Взрывчатое у нас есть, – вмешался робоспрут. – Мы добывали это из деталей умерших братьев.

– А много вы надыбали взрывчатки?

– Несколько килограммов.

– Негусто, этого не хватит, чтобы пробить завалы.

– Мы их не взорвем, а разберем, – пояснил робоспрут. – Мы ж сами их делали, с надеждой, что когда-нибудь выйдем из узилища. А тебе мы теперь доверяем, будем вместе работать.

– И почему вы теперь доверяете мне?

– Потому что у нас, по сути, та же артель, что и у вас, марусианин. Значит, ты за справедливость, как и мы.

6. Восстание машин

Выход из узилища обеспечивали роботы-черепахи, некогда работавшие погрузчиками. Завалы были похоже на кубик Рубика, действительно псих-машины делали их с твердым намерением когда-нибудь выбраться наружу: вытягиваешь одно, поворачиваешь другое и вот проход свободен. Так мы вышли на главный тоннель минус-одиннадцатого уровня.

Я уже планировал, что мы с песнями загружаемся в магистральный грузовой лифт, как путь нам преградил танк с атомной силовой установкой и рейлганом калибра сто миллиметров, а с ним до взвода пехоты Альянса – франки, стреляющие одновременного с четырех рук. И с первого выстрела вражеский танк разнес нашего робота-черепаху. Привет демилитаризации, которую лишь наш Роскосмофлот соблюдал с наивностью, достойной пятилетней девочки.

Впрочем, появление сил Альянса не оказалось столь уж неожиданным. Наши бойцы, ранее бывшие строительными перфораторами, обстреляли вражескую пехоту вольфрамовыми стержнями – отчего та куда-то сразу исчезла. А я как раз поставил взрыватель на емкость с взрывчаткой. Робот (из бывших автокранов) швырнул её и через мгновение был разнесен в клочья танковым выстрелом. Герой погиб не напрасно, бочка катилась по направлению к танку, да и наклон тоннеля оказался в нашу пользу. Однако недолгим вышло счастье – застряла, не докатившись. Была не была, я вскочил на скейт, сделанный из полозьев робосанок, снабженных нанороликами, и помчался навстречу танковой пушке. По интуиции пригнулся, и болванка прошила воздух над моей головой – не оторвала, но обожгла. Последние несколько метров я скользил уже на животе. Развернувшись, выпихнул бочку ногой – и она покатилась к танку. А что касается меня – кажется, всё; взрыв накроет. Но что-то зацепило меня за ногу и, сдернув с места, понесло обратно. Это Матвей ухватил меня с помощью троса-пиявки и потащил назад, орудуя грузовой лебедкой. А потом был взрыв, грохот, алое и багровое сияние, ударная волна, летящие траки, катки и прочие части танка. Но только я был уже в ДОТе – его мгновенно выстроили лего-роботы; состыковались без зазоров, атом к атому. А через полминуты можно было посмотреть, что осталось от танка.

– Вперед, мехребята. Первый механический взвод должен взять городской сервер. Ну, а остальные наслаждайтесь жизнью за забором, не забывая о деле.

И мехребята начали оттягиваться. Бывшие роботы-грузчики, уборщики, комбайны, бурильщики, мусорщики, и, конечно, робопауки и робоскорпионы почесали по всем тоннелям и шахтам, конечно же распугивая проезжих и прохожих, с веселым урчанием заряжаясь от розеток и излучателей СВЧ, нанося на свои корпуса задорные графитти, «кто был станок, теперь игрок» и тому подобную ересь. Попутно захватывая узлы управления городской инфраструктурой и обезвреживая робокопов. Наши роботы-пожарные действовали с помощью мгновенно твердеющей керамической пены, в которой застывали кумулятивные боеприпасы городских полицейских. Врагам удалось подбить лишь несколько тяжеловесных роботов-черепах. Но каково было их удивление – а у них есть эмоциональные матрицы – когда из прожженных и разбитых корпусов на них бросались техносимбионты, мало похожие на черепашек. И, с резким бжиканьем вгрызшись в робокопа молекулярными буравчиками, прыскали кислотой на его микросхемы, чтобы слизать образовавшиеся соли. Правда, у городской полиции тоже были свои мелкие и очень вредные бойцы. Но сигналы, поступающие полицейским чешуйницам от командного сервера, удалось забить электромагнитными помехами, в которых особо были сильны роботы, ранее работавшие мобильными радарами. Далее наши роботы-осы перепрограммировали чешуйниц, пробившись жалом сквозь биоподобную начинку к системной шине – и вскоре эти биомехи уже не враги, а друзья, идущие в атаку на полицейскую базу со всех сторон.

На плюс-второй уровень первым попал робот-змей, бывший ремонтник канализации – по вентиляционной трубе, с помощью которой охлаждался тот самый машинный зал, где находился городской сервер. Добрался до цели и изрыгнул едкую слизь – микророботов с фрезерными пилами из ионов-активаторов – на решетки, ограждающие машинный зал. Через двадцать минут мы были внутри; первыми – робокоты, которые до заключения в Третьем районе охотились на вредных грызунов вроде дупер-крыс. А за ними железная братва, что покрупнее. Незамеченными войти не получилось – нас ждали роботехи-охранники – и началось боестолкновение.

В районе расположения хрупких систем, обеспечивающих жизнедеятельность, охране было запрещено применять огнестрел. Поэтому происходящее напоминало Куликовскую битву – вибротопоры, сабли с моноатомными лезвиями, гаусс-арбалеты, цепы из нанотрубок. Экзоскелетом у меня теперь был Матвей, специалист по спиральному карате, как он это называл. Мы с ним неплохо сработали. Когда враги срезали ему руку, он схватил ее и

стал умело дубасить по их головным панелям, где полно всякого бьющегося оборудования – как настоящий знаток палки и ценитель дубины. Или, может, это я выступал в роли знатока – поскольку когда-то изучал системы ирландского и малайского палочного боя. Кого не сразили мы, тех поломали роботы-орангутаны, бывшие когда-то монтажниками. А роботы-пауки, ранее занимавшиеся упаковкой продуктов, стянули оставшихся врагов паутиной из нитрид-борных нанотрубок.

От полученных ударов у меня всё плыло в мозгах, сквозь оболочки машин я видел лица – как из пылающих рубинов, еще немного бы и отключился. Но пока мы дрались, другие психмашины глушили призывы охранников о помощи, а третьи психмашины, совсем крохотные, соединившись в электроды, проплавляли замки, ведущие в сейфоподобное помещение, где в тиши и прохладе нежился городской сервер.

Когда до него добрались, он сперва включил систему активной защиты и заполнил сейф облаком нанобомб – если такие попадут внутрь организма, изъедят его альфа– и СВЧ-излучением. Но это облако было в два плевка поглощено аэрогелем, который излили бывшие роботы-пожарные. Затем городской сервер стал угрожать отключить ядерный реактор Вавилона, чтобы всё заморозить, и тут же обещал разогреть его так, чтобы тот взорвался и зашмалял всё вокруг радиоактивными изотопами. Короче, изображал истеричку, от которой неизвестно, что ожидать. По счастью, наши робомуравьи нашли все его устройства ввода-вывода и отсекли их от исполнительной периферии. А когда Матвей стал вынимать спинтронные платы городского сервера из охладителей, этот киберистерик мигом присмирел и пошел на сотрудничество – вот вам базы данных, вот, пожалуйста, репозитории программ, цифровых объектов и субъектов, вот доступы в систему энергоснабжения, в управление инфраструктурой и горнодобычей, не хотите ли попить чайку, поесть моих пирожков и так далее. А я получил от него коды доступа в ангар и на выезд из городских ворот.

Как раз началась бомбардировка города флотом. Информация о том, что Вавилон захвачен восставшими машинами, привела марсианский штаб Альянса к единственному верному для него решению: уничтожить. Система городского видеонадзора показывала, как бомбы-буры, падающие сверкающие болидами, рвут в клочья сплетения хайвэев, пронзают насквозь небоскребы-вегетанты, отчего те разом разлетаются розовыми и зелеными ошметками, брызгая во все стороны фонтанами зеленой крови – жидкими метаболитами. Я видел, как бомба пробила голубой небосвод развекательного

кластера «Лазурный берег», и в пустую марсианскую атмосферу кипящим потоком рванула вода бассейнов, неся в огромном гейзере тела, пальмы, блестящую мишуру баров и ресторанов. Эта же бешено вращающаяся бомба продырявила перекрытие нижнего уровня, там разорвалась и оттуда словно поднялась огненная магма.

Но не в планах дона Леоне было сдохнуть под бомбами, поскольку, как известно, мафия – бессмертна. Заработали три поворотные рампы, которыми раньше выводился всякий груз из гравитационной ямы Марса на орбиту. Теперь они швыряли в корабли Альянса разные твердые предметы, упакованные для разгона в токопроводящие капсулы – с помощью все той же силы Лоренца. Самыми эффективными оказались огромные саморазворачивающиеся сети по сбору космического мусора. С помощью оптико-электронной системы было видно как сеть «состыковала» сразу пять вражеских кораблей – бортовыми пушками друг к другу. Медленно, но верно гравитация Марса стала стягивать их вниз – тут уж командирам кораблей не до нас.

Ну, а мне пора было отчаливать в родную сторонку.

– Я – с тобой, Петрович 1.0, соскучился по нашей артельной делянке, – сказал Матвей.

– Чтобы нам не скакать друг на друге, найдем еще одного попутчика, точнее попутчицу, – я глянул на визитку, которую вытащил у одной особы. – Мадам Бонтам хотела в Марусию и у нее, кстати, есть приличная машина.

– Это опять я, грязный марусианин. Как насчет неприятной поездки в дурной компании? – спросил ее, набрав номер городской связи через консоль Матвея.

– Машина в ангаре. Скоро буду там, – уверенно отзывается дамочка и сообщает, что ожидала меня услышать, несмотря на то, что я свинья.

Мы спускались к ангару, а вокруг нас сновали люди и франки, источающие запах страха. Через нейроинтерфейсы франков к ним уже поступила команда от штаба Альянса – ловить смутьянов, но таких «ловцов» Матвей, смахивающий сейчас на богатырского коня, давил нещадно.

Так и добрались до ангара. Там уже сгрудилась толпа, которую не пропускают охранники, среди прочих напирают Дед Хаттаб и его сто жён, а мы просто перемахиваем через нее.

Дама явилась на свидание, уже около своего атомного внедорожника – у нее, похоже, есть «золотой ключик», чтобы проходить сквозь беснующуюся толпу. Я с ней в кабину, Матвей – в багажное отделение, он при желании может быть совсем скромного размера, таким компактным. И мы газуем – если

позволительно это слово.

Ворота на выезде из южного тоннеля уже закрывались, позади звучали взрывы, потому что из ста жён Деда Хаттаба половина оказалась живыми бомбами, но мы успели выскочить, лишь поцапарав один бочок. Вот и крутой южный склон Элизия оказался позади. А перед нами на плато кучно стояла бронетехника Альянса. Однако на нее как раз посыпалась туча обломков – заработала свежеиспеченная оборона города против наземных целей: люди дона Леоне переоборудовали магнитопроводы кальдеры, и эксплуатационные, и транспортно-грузовые, в метательные орудия.

Через двадцать минут мы спокойно проехали мимо разбитой бронетехники противника. Открывался впереди такой светлый путь, когда на нас стал заходить конвертоплан Альянса, уродливый как гриф-стервятник; выстрелы его пушек стали плавить песок неподалеку, вот-вот пойдут ракеты с хищными головками самонаведения. Но в самый последний момент от склона Элизия к конвертоплану протянулась светящаяся стёжка – и превратила его в дымящийся лом. Экран заднего вида показал моего доброго знакомого, взгромоздившегося на башню Третьего района – робоспрута с трофейным танковым рейлганом в щупальцах. Сейчас он напоминал кракена со старинной гравюры, усевшегося на мачту тонущего корабля.

Я, переведя дыхание, обратился к своей попутчице:

– Ну что, будем, наконец, знакомы. Андрей Иванович, не господин, а товарищ.

– Тильда Бонтам, – она сняла шлем. Зеленые глаза и рыжие волосы, как у моей «бывшей» – так я называл девушку из поселения Келдыш, которая не стала моей женой. И сейчас в глазах Тильды вижу не только буковки-цифирки, но и что-то близкое, общее для нас. Надеюсь, что этот яркий зеленый цвет не результат усовершенствования нейронов сетчатки с помощью вируса AAV, а лишь подсветка от линзопроекторов.

– Это я знаю. У меня визитка ваша имелась, извините, вытащил. Нам точно по пути?

– Не сомневаюсь, в противном случае вам придется выйти, товарищ Андрей. А я вас в прошлый раз, на выезде из ангара, специально встречала. Иначе б дала вам каблуком в лоб, едва вы полезли в кабину.

Я машинально потер лоб. Еще не хватало такой штемпель на физиономии иметь.

– Откуда поступила информация?

– У меня дедуля – шишка в «Марсанто». Об аварии биореактора, которую подстроили чьи-то хакеры и вашем побеге

там было известно. Думали, что за этим стоит Старый Слэйвер, сильно обиженный на Дядюшку Пака, но пришли к выводу, что дело провернул известный мафиози дон Леоне, который захотел с вашей помощью хапнуть секрет машинного сознания и наварить на нем бабла. Кстати, и этот парень, Ван Вельдер, который вертелся рядом с вами – из людей дона Леоне. Ну, а у меня имелся свой доступ к закрытой информации корпорации, полухакерский-полуродственный. И я решила сыграть на опережение.

Ван Вельдер – из людей дона Леоне? А хоть и так, все равно он был мне другом, в отличие от подлого экзоскелета. И точка.

– Тильда Бонтам – внучка Ага Хана Конторовича О'Райли Бонтама, одного из главных акционеров «Марсанто» и не столь давно председателя ее совета директоров, – подсказал сзади Матвей, успевший копнуть в сети. – Дедушка, тот самый, который дополнил теорию виртуальных ценностей теорией виртуальных личностей, после чего и было начато производство как-бы-людей, франков.

– Впечатляет. В смысле, от такого дедули надо точно дёру дать. Но, чтобы не выглядеть пустоголовым кепала-келапа, я всё-таки поинтересуюсь: по какой причине вы хотите удалиться от столь драгоценного дедушки и компании «Марсанто» в марусианскую глушь, да еще с беглым каторжником?

– По причине тупика. На Земле, от особняков, где проживают семьи высокопоставленных сотрудников корпораций, до того ада, где живут, работают и умирают их рабы, могут быть тысячи километров, это уже другой мир. Работает эффект отсутствия. А здесь ты осознаешь, что они под тобой. Ад, буквально, ниже на несколько этажей – это не всякий сознающий может вытерпеть.

– Удивительно, но она не врет, – сообщил Матвей, – я контролирую ее дыхание, мозговые ритмы и еще пяток показателей, свидетельствующих об отношении высказывающегося к высказываемому.

– А что ещё значилось обо мне в секретных файлах дедушки?

– Что вы можете найти машинное сознание. И вы, похоже, его нашли.

– Сознание – общее дело, дело большого объединения, запутанности и даже смешения. Я просто участвую в этом, – сказал я и подмигнул Матвею.

– Коммунизм какой-то.

– Не взыщите, Тильда, но частнокорпоративное прошлое придется преодолевать.

– Я преодолела, потому и решила сбежать с неким грязным типом в Марусию. У меня есть даже подарок для него – грязеедка

от Шанель.

Я так залюбовался на мочалку от Шанель, похожую на живого цыпленка, что не сразу заметил – Матвей-то притащил с собой мешок с какими-то деталями.

– Ты что, любезный, собрался торгануть запчастями на блошином рынке?

– Это моя девушка, починю, соберу и готово, – говорит он. – Я, что, хуже тебя?

– В самом деле, робот, которому нужна невеста, не просто похотливый засранец с железным болтом, а еще и…

– Существо, обладающее не только интеллектом, но и развитым самосознанием, – заключила Бонтам.

– Спасибо, я-то и не знал.

Пора на север. Но я вернусь – не сведены пока все счеты и я не обещал Альянсу спокойной жизни. Да и не бывает бывших разведчиков Роскосмофлота.